

учению «естественной религии», внутренние нормы, свойственные каждому отдельному человеку. В то время как голландская Юлия находит свою опору в Боге и утешается мыслью о загробной жизни, французской Юлии чужда всякая трансцендентность; она довольствуется только земными благами, такими, как «добродетельное сердце» и неопределенные «чистые чувствования».

С устраниением большей части религиозных элементов потерялась идеологическая направленность романа Фейта. Кроме того, роман во французском переводе больше не пропагандировал эстетики «возвышенности» в духе немецкого сентиментализма, а приспособился к французской традиции умеренной, элегантной чувствительности.

На этой умеренной и секуляризованной версии романа основывался русский перевод 1803 года.²² К оригинальному заглавию прибавился эпитет «чувствительная», вероятно, чтобы отличить заглавие фейтовского романа не только от известной повести Карамзина, но и от русских переводов одноименных романов А. Радклиф и Ф. Дюкре-Дюмениля. В издание были включены еще повести «Темира» и «Пустынник». Фамилия переводчика неизвестна, он подписал свое предисловие к переводу инициалами «Ф. Б.». Возможно, что за ними скрывается некий Федор Баранов, который в 1798 году с теми же инициалами поместил стихотворение в «Приятном и полезном препровождении времени».²³

Перечисляя в своем предисловии причины, побудившие его перевести произведение Фейта, переводчик упоминает их «приятный слог», характеры главных персонажей, «нежное изъяснение взаимной их любви». Он подчеркивает сентиментальность произведений не только в заглавии, но и своим посвящением «чувствительным сердцам». Можно предположить, что переводчик конкретизировал произведения Фейта прежде всего как «трогательные» любовные истории без подчеркнуто назидательных целей.

Русский перевод «Юлии» довольно точен по отношению к французскому тексту. Похвала приятному стилю этого текста и верность ему можно истолковать как утверждение выраженных в нем эстетических норм. Переводчик, кажется, принадлежал к тому направлению русского сентиментализма, которое находило свои образцы в элегантной «чувствительной» французской литературе. Как ни парадоксально, оригинал фейтовского романа должен был служить просвещению голландской литературы с помощью немецких литературных образцов в противовес французскому влиянию. Русский же перевод романа, верный французскому тексту, очищенному от «немецких» признаков, испытал именно это влияние.

Верность французскому переводу привела к тому, что по языку русского переводчика «Юлии» нельзя назвать последователем Карамзина.

---

²² Чувствительная Юлия, или Редкий образец нежной и пламенной любви. Сочинение Голландского писателя Ринвиса Фейта. С приобщением двух трогательных его повестей о Темире и Пустыннике. Перевод с французского. М., 1803.

²³ «Ф. Б.» Голубочик // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 17. С. 127–128. Ср. также: Ода Его высокопревосходительству <...> Матвеем Григорьевичу Спиридову, в 5-й день Апреля 1803 года поднесенная Ф... Б... М., 1803.